

И.Н. Пальмов

О маленькой птице размерами с остров

6+

Иван Пальмов

**О маленькой птице
размерами с остров**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Пальмов И. Н.

О маленькой птице размерами с остров / И. Н. Пальмов —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

Когдаходишьккраюбесконечности, надо быть готовым к тому, что она не закончится. Это альтернативная история мира. Того мира, в котором мы и сами, быть может, находимся. Как знать, было ли что-то подобное раньше, но раз вечность длится так долго, то исключать это нельзя. С того самого места, откуда однажды по свету начали разбредаться люди, начнется эта история. Все так же как и в нашей реальности, вот только конец может быть совсем другим. Там будут путешествия и неожиданные встречи, а весь этот мир покажет один человек.

© Пальмов И. Н., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

О царственен, могуч ты город бога
Клонится пред тобою смертный люд
Небесный ключ увидишь ты с порога
Когда в толпе тебе осанну воспоют
А прежде, сколько вас счастливых было
Предателей, героев, жаждущих борцов
Нависшим назиданьем, тыча в рыло
Теряли мысли, сквозь оковы слов

В духе всякого времени иметь свой бесчисленный город. На распутье дорог, где когда-нибудь выберут веру, каждый даст ему имя – Вавилон. Кто видел тот город, прожил не одну жизнь, ибо познать его можно лишь увидев снова. Забравшись во все уголки, взмывая над стенами его, взирая с башни, что идет до самых небес, ты увидишь все, что можно узреть в ту минуту, пока смотришь. Так будет идти даже вечность, но истории тебе не узнать, потому что она, только что скользнула за твоей спиной.

Палящее солнце всякий раз застает этот город бурлящим движимым и неизменно живым. Сейчас вряд ли кто вспомнит его другим. Это был другой город, или все тот же, его вспомнят. Во времена, когда у города не было его звучного гордого имени, на него и тогда все же светило солнце. Под тем же солнцем был и вечный спутник его, пришедший на это место и породивший город. Некий человек без времени, странствующий в поисках вечного пристанища, того что утолит его волю, возвел небывалой красоты город. Имя тому путнику всегда было одно – Ник. Так звали его все, кого бы он ни встретил. Он сам представлялся этим именем, и всякий раз называл его так, будто придумал его вот только. Высокий, худой мужчина, всегда выделявшийся из толпы, притом не был особенным внешне. Запомнить лицо его было трудно, из приметного были наверно глаза, один был открыт всегда несколько шире. А выделяло Ника одна едва заметная зримая деталь – он держался по-особому, без явных манер, совсем не как многие. Его не отнести к богачам, потому как надменности за ним не замечено, бедняком его тоже не назвать, ибо покорности в нем так же не сыщешь. Зачем только нужен ты среди этих стен? Вопросал про себя каждый, а он на то отвечал – «что бы оставались стены».

Средь множества колонн и стен, на площадях, вдоль улиц, тысячи людей каждодневно кричат и бегут, словно не видя и не слыша, друг друга. Как же легко затеряться в этой бурной скоротечности, мелькнуть, едва высунув голову, да пропасть навеки, как и не было вовсе. Только сам по себе ты проживешь хоть сколь-нибудь долго, в глазах посторонних – едва уловимая линия или точка вовсе, на необъятном полотне мира. Звезда, по которой не успел загадать желания, а она уж упала. Все эти лица...

Огромные кленовые ворота отворялись с тяжестью возвратившихся воинов принесших не то победу, не то лишь попросту тщеславие королей. В этот миг всегда застывали взгляды, иногда забывались споры и томились надежды укоренных и обделенных. В застывшей толпе лишь один взгляд был направлен против, не в ту сторону. Он рассматривал то, чего никогда не видели замершие. Их собственные глаза, любопытство, выливающееся в такие минуты наружу. Конечно, тот человек должен быть странный, и это был Ник. Ник увидел торговцев ожидающих праздника и денег, бродяг высматривающих покровителей, господ лоснящихся триумфом. Едва ли и тут увидишь что новое, не в первый ведь раз, подумал он. Взгляд его уже почти остановился, как вскоре запнулся на лице маленького мальчика. Мальчишка не был похож на любопытного, его большие черные глаза на чумазом лице, так и пытались, кого-то найти. В его тоненьких смуглых руках была дудка, какой-то странный музыкальный инструмент, который он держал только пальцами обеих рук, да так что она едва не валилась из них. Мальчик одновременно пытался найти человека, и играть на дудке, ему так же было нужно, хоть и в этот момент ему вовсе этого не хотелось. Упустить такую толпу гуляк в его положении глупо, пусть он и мальчишка, но понимал это твердо. Однако играть он не мог, тому причина должна была

быть особой. Они проходят, вся толпа вояк, продолжается гвалт, торговля, хохот, но мальчик все не играет. Стало быть так и не нашел того кто был нужен.

Ник выждал скорбную паузу и направился к мальчику. Слегка замявшись уже подле того места где стоял мальчик, Ник чуть всплеснув руками, словно отмахиваясь, подошел и поздоровался.

– Здравствуй, – тихо сказал Ник.

– Здравствуй, – выдыхая, отозвался мальчик.

– Видно ты чем-то огорчен, прости уж, коль не вовремя, – начал Ник.

– Вам бы уж не пристало простить прощенья у ... – мальчик отчего-то запнулся, пытаясь сказать про себя. Даже попытавшись изобразить жестом.

– Вот этого уж никогда не пойму, и почему так у меня? – задался вопросом Ник.

– А разве так не у всех? – тоже спросил мальчик.

– Так все же, не мог бы ты рассказать мне... – не окончив, сказал Ник.

– Ах, я огорчен, – будто вспомнив, отвечал мальчик, – придется выслушивать истории, так надо ли вам?

– Отчего же, приятно услышать историю хорошего человека, так может, и друга найдешь, – сказал Ник как о себе.

– Это было недавно, – начал мальчик рассказ, – недавно потому как, мне только семь лет. У меня наверно, была мама и папа, уж точно, был, – на этом мальчик едва не остановился, но собравшись, продолжил: – когда потерялась мама, я не помню, только помню, как появилась бабушка. Она была старенькая, тогда я уж понял, помрет скоро. Мне было четыре, – мальчик показал соответствующее число пальцев, но тут же стал убирать за спину, как бы стыдясь, – она приглядывала за мной, когда не было папы, и когда был тоже, все время смотрела. А один раз папа ушел, сказал что-то, улыбался и поцеловал, – мальчик отвел глаза смущенно, после решительно продолжил, – он не вернулся, пока что нет. Бабуля та и вовсе померла. Вот так я и стою тут играю в чертову дудку, – закончил мальчик хмурясь.

– Да, такое бывает, – сочувственно выдохнул Ник, – а дудку где взял?

– Она всегда при мне, ни куда не деваю, – отвечал мальчик.

– Интересно ... – в задумчивости сказал Ник.

– Как вас зовут? А как меня? Обычно с того и начинают. Чего вы не спрашиваете? – удивленно бормотал мальчик.

– Да что же я, в самом деле... так как? – с прищуром спросил Ник.

– Каин – ответил мальчик.

– Как и всему в этом мире нарекли тебе имя... – едва слышно проговорил Ник.

– Что? – спросил Каин.

– Город не тот же, значит и ты другой. Не обращай внимания, – с тревогой сказал Ник, вперяя взгляд высоко в стену.

– Так, вас как звать? – окликаая, спросил мальчик.

– Ник, меня Ником зовут... – ответил он, чуть повернув голову к Каину, и отвернувшись снова.

Седьмой Вавилон воздвигнет планета
Слезам и кровью полит тот Эдем
Сумеешь ты вспомнить капельку света
Сквозь клубы нашепчет тебе Абсолем

«По кругу оно движется что ли? Был ли смысл? Прочь это все, непременно, нужно по новой, с самого основания, мир и так скоро рухнет, держась на гнилых сваях больших черепах. Бестолково выходит, ни чем ведь не лучше. Неужели не лучше? Пинать себя, рвать на мелкие

части, силясь создать душу из одних лишь мощей. Город ведь действительно тот же, так и пусть, что поделать, если он прекрасен. Но ведь люди, они тоже почти не изменились, а, пожалуй, были должны. Выходит, я и сам себя толком не знаю». – Мысли Ника повторялись, как все, что было вокруг, и думал он их абсолютно намерено лишь бы только не терять нить. Не перестать следовать цели, не дать себе раствориться во всем, что окружало его. Мысль эта была настолько тверда, что пролетала, будто вовсе без времени, не заняв ни секунды. Успев только опуститься со своего исполинского роста к мальчишке, Ник думал уже о другом.

– Представь себе Каин, что ты сделал нечто невероятно красивое и при этом нужное, например ... ну хоть вот ту башню, видишь вон там, – Ник указал на здание, высотой, несомненно, громадной.

– Эту? Вижу, – ответил Каин.

– Ведь ты, наверное, делал ее с благим намерением, для общей пользы, и, конечно же, красоты. И ведь польза, конечно, будет, но кому не известно. Вот скинут с нее доброго человека и в том их и польза. Уж ты то, конечно, не затем ее строил. Но ведь могут же так ... – заключил Ник.

– Ваша башня? – удивленно выпалил мальчик.

– Впрочем, ладно. К чему тебя мучить, – совсем без вопроса риторически сказал Ник.

– Спрашивайте, спрашивайте, мне интересно, – улыбаясь, продолжал Каин.

– Строй ты эту башню, что бы ты изменил? – спросил, наконец, Ник.

– Построил бы меньше, – предложил Каин.

– Она от того и была такой красивой, что до самых небес, это не подходит, – отверг Ник.

– Что если без окон? – снова предложил Каин.

– Тогда не увидишь той красоты, что открывается с ее высоты, – настаивал Ник.

– Без дверей? – все пытался Каин

– Для кого же тогда вообще ее делать? – вопросом ответил Ник.

– Для птиц и людей, только тех, у кого есть крылья.

– А вот тут ты пожалуй что прав, мой юный друг. Уж это конечно не так скоро, но когда-нибудь крылья будут, я тебе обещаю, – размыто отвечал Ник.

Солнце уже не жгло спины стоящих под открытым небом, оно медленно катилось на запад, сильнее и сильнее накрывая тенью город, как ночным одеялом. Стоявший чуть поодаль рынок редел на глазах, торговцы собирали грузные тюки, чувствуя усталость скопившегося дня. Один ухидивший бросил свой беглый взгляд на беседующих мальчика и мужчину. Тех самых, что и тогда были в толпе перед воротами и после, замеченных только теперь.

– Чего мальчишку мучишь, иди куда шел, – посоветовал человек с рынка.

– Я и правду, пожалуй, уже пойду, – ответил Ник, но больше в сторону мальчика.

– Иди, иди, – брякнул человек с рынка.

– Тебе знаком этот человек? – спросил Ник у мальчика, который едва ли понимал что происходит.

Мальчик помотал головой, пристально глядя на торговца.

– В таком случае я ухожу не один. Счастливо оставаться, пойдем Каин, нам здесь не рады, – сказал Ник, горделиво вскинув голову и увлекая за собой мальчика.

– Оставь мальчишку бродяга, не то найдут на тебя управу, – сказал торговец, явно намекая на кого-то еще. При всем этом, он и сам был не малого росту и веса порядочного. Одним словом не понятно, почему он сам не вставал на защиту «мальчишки».

– Вряд ли, мой друг, – с некоторой даже досадой отпартовал Ник.

– Есть высшие силы, – не унимался толстяк.

– Ох есть, ты уж непременно передай, что меня видел. В кого же ты веришь? Зовут то, хоть как? – расспросил Ник. Торговец же тем временем убежал, так и не ответив, да вовсе

и явившись, пожалуй, зря. Каин и Ник тоже пошли, но совсем другой дорогой. Тогда Каин спросил:

– Зачем мы идем? Ведь он же ушел, – показывая в сторону, проговорил мальчик.

– Я покажу, спросил бы лучше куда? – ответил Ник. – У меня, знаешь ли много потайных уголков в этом городе. Один будет твой, – с улыбкой сказал Ник.

Путь их был куда короче, чем ожидал мальчик. Едва войдя в арку ворот, Ник подошел к огромной двери со стороны петель и потянул на себя. В образовавшемся треугольнике ворот под ногами зияла яма. Совсем небольшая, была бы эта яма совсем не приметной, находись она где-нибудь, но не здесь. В этом же месте она сразу стала загадкой, определенно хранящей множество тайн. Множество ступенек покрытых ковровой дорожкой вели неизвестно куда, впереди был только свет. Ты приобщаешься к тайне, даже пока не узнав ее, заранее думаешь, как бы кто другой не прознал о ней. Ник спустился первым, очень низко нагнув голову, Каину же вовсе не пришлось нагибаться, будто этот подвал ждал именно его. Отныне и навсегда эта картина будет храниться в памяти Каина, как самое прекрасное из когда-либо виденных. Казалось, просто – подвальная дверь.

Наконец они зашли внутрь, где собственно не было ничего необычного. Посреди маленькой комнаты стоял небольшой постамент с кафедрой, а на ней лежала книга, огромный «толмуд» в кожаном переплете. Возле него, на стульчике горела лампадка, свет ее был слабым, но и того хватало осветить маленькую комнату.

– Ты можешь приходить сюда, когда захочешь, – сказал Ник, усевшись в один уголок, а рядом сел и Каин в другой.

– Чудно тут у вас, – улыбнувшись, прокомментировал мальчик.

– Только не у меня, а у вас, мой юный друг, – с улыбкой отвечал Ник.

– А что это за книга лежит? – спросил Каин. Он вытянул голову в сторону кафедры, по-прежнему сжимая колени.

– Если тебе станет скучно, можешь открыть ее... ты умеешь читать? – вовремя опомнился Ник.

– Немножко, – стесняясь, ответил мальчик.

– Признаться, сроду не ждал. Где же ты учился?

– У моей бабушки были молитвы, я их учил наизусть, а потом стал по ним и другие разбирать. Не знаю, правильно я их разбираю или нет, но читать думаю, что все же, смогу, – вытянул Каин. Он явно стеснялся, боясь что обманет, хоть и сам того точно не знал.

– Молодец! это очень здорово. Но все же мне наверно стоит тебе кое-что рассказать. Язык этой книги, несколько отличается от того что ты читал, – Ник снова улыбнулся, только закончив говорить, взял книгу и подвинул лампу. Мальчик с нетерпением ждал, когда Ник откроет ее, но все же боялся, что сам ничего не поймет.

– А о чем здесь будут истории? – спросил Каин.

– О, истина. Именно, именно, мой мальчик – истории, – загадочно протянул Ник, – это история всего, что ты видишь вокруг, и даже несравнимо больше. Эту книгу написал я, помни же, что все, о чем ты прочтешь, – правда, потому как писал я ее для себя.

– Разве ты не помнишь, что там написано? – осведомился мальчик.

– Помню – ответил Ник.

– Так зачем было писать? – снова спросил Каин.

– Боюсь забыть, – просто ответил Ник. Выражение его лица в этот момент было столь невинным, что и сам он выглядел едва старше мальчишки.

Ночь надвигалась все темнее, мраком был покрыт город со всеми его вратами. Понемногу исчезали маленькие огоньки по улицам в закрытых домах и только здесь в подвале огонь должен гореть вечно. Лишь бы только освещал, но никогда нас не жег. Нечто похожее из большой

книги, почти столь же простую мысль читал Ник маленькому Каину. Та мысль продолжалась, замыкая круг и начиная снова. Мальчик уже уснул, но только тогда когда перестал слышать, Ник закончил читать. Он с надеждой смотрел на Каина, видя в нем весь новый свой мир, будущее, которое, могло уже быть.

Каин лежал на ногах Ника, мерно посапывая как маленький щенок. Ник едва ли не передумал в эту минуту, но снова решился. Аккуратно переместив мальчика на пол, он едва слышно пробрался по ступенькам вверх и вышел под звездное небо. В голове его была борьба, жалости и долга. Ник как будто бы знал, что сам этот малыш знает едва, как ни больше самого Ника. Лишь бы никто не тронул его детской души.

Сбрось эту ночь в канаву с чертога
Снова да прочь разбегом с порога
Пой песню за мной уходящую вдаль
Летающей стрелой, что б было не жаль

В пространствах небесных и один шаг может оказаться вечностью, в долине солнца и на всей земле, как правило, бывает иначе. Ник прошел еще один путь в надежде и старании. В возможности изменить мир, сделав его своим не нарушая баланса сил, не тревожа гармонии. Его везде принимали за мятежника, хоть он и не был им до сих пор никогда. Распахнутые врата Иерусалима могли и теперь закрыться перед ним по любой допустимой причине. Но и тогда он непременно бы вошел, чего бы ему не стоили эти стены. «Ты изгнанник и скиталец» – думал о себе Ник, как вновь вспомнил и Каина, которого оставил уже совсем далеко.

Вход в Иерусалим был не столь величественен, как то было в Вавилоне. И пока было так, Нику все чего-то не хватало, дворцов, храмов, величественных площадей и рыцарей в красных плащах. На входе его встретили стражники, трое мужей с копьями. Они совершенно буднично рассказывали друг другу истории, периодически смеялись и пускали всех, кто бы ни вошел. Ник подошел ближе. Как ему казалось, он ни чем радикально не отличается от общей толпы, разве что без головного убора. Стражники остановили его.

– Кто такой? – без прочих прелюдий спросил один из троих, видимо всегда бравший на себя функцию распроссчика. От остальных он отличался разве что немного нарядом, больше в красных и синих цветах, но сложением ни сколько. Перед Ником все были роста невысокого, а уж эти и вовсе казались коротышками.

– Вы вряд ли слышали обо мне, профессий я не имею, – отвечал Ник, с виду немного робея.

– Так ты бродяга, – почти и не спрашивая, утвердили стражники.

– Как я могу к вам обращаться? – спросил Ник.

– Ты обращаться не должен, спросят, так отвечай, – выкрикнул тот, что стоял слева.

– Чего замолчал? – снова спросил нарядный.

– Вы ничего не спросили, а я и молчу, – со смешком ответил Ник.

– Как тебя звать? – спросил один, и тут уже подошли все разом.

– Что если отвечать не следует? – теперь уж вопросом отвечал Ник, ловя угрюмые взгляды, – не стану вам говорить, потому что боюсь.

– Боишься ты, верно, только ответить тебе придется, – не унимались стражники.

– Вы ведь меня и убить можете, так? – предположил Ник.

Стражники лишь быстро переглянулись. Пожалуй, пытаясь осознать нелепость предположения, тем самым давая понять, что так собственно и будет.

– Я ведь не смерти вашей боюсь, желаний и страсти вашей, перемены внезапной, какая могла бы произойти. Довериться вам боюсь и все погубить. Злу вашему поддаться, то мне страшней, что ваша смерть, – высказался Ник в полной серьезности, – один ведь раз убьете? – продолжил Ник уже шуткой.

Стражники уже было начали смеяться, и могло так стать что и пропустили бы бродягу. Ник стал вытирать со лба пот рукавом своего чуть похожего на рубаху одеяния и выронил небольшую глиняную табличку, на ней было имя – Каин. Тот что стоял слева быстро метнулся к табличке и когда Ник уже схватил ее взял того за руку.

– Отдай сюда, – прокричал ряженный. Второй рывком хотел было вырвать табличку из рук Ника, но не сумел.

– Нет, – ответил Ник едва слышно.

Все трое разом кинулись не то чтоб схватить, а даже скорее убить наглеца. Их рты были разинуты в устрашающем крике, руки в неистовых размахих заносили оружие и сами бы они кинулись в бегство, если бы их гнев был направлен обратно. Но смотрели они не в зеркало, а на бродягу, стоявшего против них как статуя в след за которым, опережая его, ринулась конница. Войска города пронеслись, бежали и шли через ворота. Ник пошел следом, медленно и спокойно, аккуратно обходя троих ужасных в своем гневе младенцев, стоявших против него.

Здесь не было праздника, но как и всегда тысячи любопытствующих, страждущих горожан вышли к воротам, только потому, что навстречу им выйдет властитель Шалема. С какою бы новостью он не явился, его верно ждала толпа и оклики во славу ему. Будто и не всем царям и властителям мира была воспета похвала, слава будто не за каждым шла именем что завоевывал и правил. Ник шел следом, словно не замечая «славного господина». Все уже начали было думать разное, о спутнике шествующим следом и ни кто не догадывался о его совершенном не причастии. Но кое-кто все же знал и оставил затем даже пост свой и ворота что должны охранять. Они вновь бросились на ненавистного им бродягу, но в ту же секунду увидели и лицо шедшего рядом.

– Повелитель, – все трое ринулись кланяться, пытаясь взять слово.

– Хорошо ли вы охраняли дом мой и стены? Хе-хе ну чего еще? – ухмыляясь, отозвался Араван наместник Шалема.

– Один лишь этот сумасшедший ворвался сейчас, прикажешь ли убить его? – сказал тот, что молчал до сего времени.

– за что же ему умирать? – спросил Араван.

– Он не исполнил приказа, прошел недозволенно, – нелепо пролепетал ряженный, хотя на тот момент он уже таким не казался, на фоне царя увешанного золотом и пестрыми тканями.

– Стало быть так и не исполнил? – протяжно вопрошал не известно кого Араван, глядя все время в небо. В ту же минуту, словно прозрев от ушедшего облака, он уже свирепел на глазах.

– Кто охраняет ворота? Псы поганые, живо! – кричал Араван и снова пытался возобладать собой.

– А разве должен был исполнять? – спокойным тоном отвечал Ник на вопрос к нему.

– Должен? – переспросил Араван. После чего прошло не меньше минуты, как он нашелся что ответить, ибо удивление его было сверх великого как огромно, – если уж ты не признал меня в лицо, так скажу я тебе свое имя – имя твоего царя Араван. Услышал ты меня? – с напором на последнюю фразу прорычал царь.

– Имя твое я и в самом деле, пожалуй, слышал. Только что же оно по-твоему должно изменить? – ответил Ник безо всякой перемены.

– Покуда ты в моем городе, ты слуга мой и раб, – высказал Араван, пристально глядя в лицо бродяги.

– И все они твои рабы и слуги? – снова вопрошал Ник, окинув взглядом толпу.

– Они уважают силу мою, потому как знают ее, – ответил Араван, но не успев сказать дальше, снова спросил Ник.

– Так в страхе сила твоя?

– Страх погубит подлых и бесчестных, а народ то мой любит меня.

– Какой же любовью?

– Той, что отдается в награду. Кто по-твоему защищает этот смертный люд? Тот, кто живет в этом городе, спокоен за жизнь свою и в этом их милость.

– Я не живу в твоём городе или в каком-либо ещё, и защищать меня некому. Я живу в целом мире и каждый хочу, чтобы жил так.

– Так спроси же их.

– В этом сейчас нет нужды.

– А станет она?

– Уж, наверное, станет. Когда войско твоё разойдётся и падут их мечи...

– Что тогда?

– Не станет ни какой власти, будет всего один только огромный город бесконечный и свободный, – выдохнул Ник, будто силясь уже сейчас то исполнить.

– Я не верю тебе. Что если завтра придут враги на мою землю? Спасут их твои проповеди? – грозно выпалил Араван.

– Если уж завтра, то пожалуй спасут. Вот только бы не сегодня, – ответил Ник, в его голосе и впрямь была какая-то надежда.

– Замолчи крысеныш, – прокричал царь, и в гневе своём даже позабыл о власти своей, не зная как и усмирить бродягу.

– Ворота твои охраняются тремя мужами, те уж, поди не всеильны, позаботься ты хоть о том, – нашёлся вдруг Ник.

– И без твоей пустой головы туда было послано люду, – раздражаясь, ответил царь.

– Страшно? – спросил от чего-то Ник.

– Ты верно страха не видел, вонючий пес, так довольно, пришло тебе время. Схватить бродягу, бить пока не признает меня, покуда защиты моей не попросит несчастный! – приказал царь. Наконец-то он почувствовал, что стал приходить в себя.

Полчище царского войска обступило со всех сторон Ника. За те секунды, что медлили они Ник успел разглядеть многое, едва уже не поверив в гибель свою. Толпа приближалась, и уж даже когда била и истязала его, не верил он и тогда в свою смерть, а уж в это поверить можно. Даже в собственную смерть можно верить, но только не в смерть истины в себе, которая сидит ещё глубже, чем сама душа. Он не предал свою истину, даже пройдя сквозь вечность. Способны ли на то их жалкие кнуты, едва ли. Все же смерть казалась, делом решённым и Ник это понимал совсем нормальным, но даже тогда поверить не мог. Важно ли во что верить?

Беснуется сила больного врага

На чахлые жилы поднимет слуга

Бессильные мощи борются смело

Бей свои вожжи пока не взлетела

Душа не разорванных белых страниц

Завидит утопленных в слезах ресниц

Умытых войною собственных сил

Встанут гурьбою и дом им не мил

Сраженные в стенах владыки судьбы

Бьются в изменах с мечами рабы

Застынет навеки рожденный Шалем

Высохнут реки да станет он нем

О, великий Мардук внемлем тебе, бог наш, и славу воздаем тебе, молимся тебе, услышь нас и избавь от бед и страданий. Перекликаются преклонившиеся из света и во тьме глухой. И уж более всего-то во тьме. Их не счесть всех в этом безумном городе, но поскольку не каждый и был преклоненным. Таким стал некогда и Каин, но не от скудности сознания своего, а вовсе

наоборот. Он не успел к годам своим понять молитв, по которым учился когда-то читать. Каину исполнилось четырнадцать лет, когда он начал понимать смысл им прочитанного. А поскольку познание его в молитвах о Вавилонском боге уже были прочитаны давным-давно, они так и остались всего лишь азбукой первопознания. Истина же мыслящего человека, всегда состоит в идее, образовавшейся в его собственной голове. Совсем даже не важно, случались ли у кого-то подобные идеи раньше. Главное в этом всегда будет принадлежность, ведь только себе можно поверить, не требуя доказательств, не проявляя смятения и малодушия. Такое убеждение всегда будет истинно – только потому, что принадлежит тебе. В любом же споре, попытке склонить, ты всегда найдешь части и целое, в котором и есть ты. Что же предложит тебе большинство, что назовет верным, ты всякий раз поймешь, когда возложишь их части на одну чашу весов и не позабудешь о другой чаше, на которой будет твоя правда. Все разом вместе с тобой у них получится целое, но у тебя и без них оно всегда есть. Примкнувший, утвердит твою правду.

Вопросами непременно задаваться нужно, чем больше их становится, тем полнее, объемнее становится сущность всякого бытия. Во что же следует верить, решать тебе. Однако ко всему прочему не только под надзором одного лишь Мардука шла жизнь в Вавилоне. Как и во все годы, голод и изобилие правят людьми. Непременно это разные люди, так те, что наживаются на голоде одних, требуют изобилия от других. Собственно выходит так что у всех все есть, и это самое «все», переходя к пределу, должно перераспределиться, в зависимости от того кому чего не хватает. В общей же суматохе в один миг оказалось так, что одно было продано дороже другого. Теперь богатые землевладельцы, купцы и сборщики налогов расхаживают по красивым многоугольным дворцам, расписанных фреской, где у самых стен возвышаются финиковые пальмы в роскошных садах. Бедные в свою очередь трудятся везде, где нуждаются в них богатые. На каменоломнях, в полях, на рынках и пастбищах их много до ужаса, живущих в лачугах или вовсе под открытым небом. Среди них мало кто заметит Каина, но все же, с недавних пор и он взял себе место под слепым солнцем большого города. В весьма узких кругах его знали как составителя писем и прочих записок. К Каину подходили на улице и просили записать некую информацию, которую впоследствии сами же и передавали, иногда через кого-то, а порой вовсе оставляли себе.

Ранним апрельским утром, когда солнце еще не жгло, а лишь мерно пробиралась в оконца домов, лаская своим приветливым светом, Каин уже стоял на одной из площадей города, естественно занятых рынком. К нему подошел мужчина, возраста порядочно старого, прямо таки пожилого. Одним словом дед. С седой бородой, мешками под маленькими округлыми глазами и большим носом, как принято говорить картошкой. Внешне он выглядел совсем заурядно, его цветастые платья даже как то не сочетались в общем образе. Подойдя совсем близко, он стоял прямо, ничуть не нагибаясь к маленькому Каину.

– Здравствуй мальчик, – довольно, буднично начал дед.

– Здравствуйте, – ответил Каин.

– Ты пожалуй, пришел слишком, рано, – с улыбкой продолжил старик, – ты ведь писанием занимаешься, я уже то прознал. Народу то почти ни кого, – довольно не связно проговорил он, чуть запинаясь.

– Вроде как да. Записки, – я так их называю. Пишу если надо. Но сегодня я пришел не за этим, потому и рано, – пояснил Каин.

– Так записки значит, пусть будут записки... так а пришел чего? – вдруг заинтересовался дед.

– Здесь красиво. Без людей знаете очень красиво, особенно в городе. В этом уж точно, затем и пришел. Люди умеют создавать прекрасные вещи, однако так уж выходит, что и портят их совсем ужасно. Бывает и так, что это те же самые люди, и это как раз хуже всего.

– Признаться, я не думал об этом. Но знаешь, мне не стыдно признаться, я глуп как пробка, но хотя бы это я знаю, – улыбаясь печальной улыбкой, сказал дед.

– Вы ведь не просто пришли, у вас ко мне дело, – одернул деда Каин, видя, что тот, кажется, замечтался.

– Да, у меня дело, мне нужно кое-что написать сыну, – очнулся дед.

– Я запишу.

– Он уже не молодой, а когда то был совсем как ты мальчишкой. Его зовут Моисей... а тебя как зовут?

– Каин, – отозвался мальчик

– Так вот, он тоже был маленький, и еще меньше чем ты. Тогда мы жили неподалеку от Ниневии огромного города, почти как этот. Не в самом городе, как я уже сказал. В этом то и была моя проблема, нашу семью не пускали в город. Семья наша была довольно большой, моя жена родила мне четырех сыновей. Однажды, кочевники напали на нас, и защитить я смог лишь одного сына, и только. Моему горю не было предела, но сын мой Моисей рос, и я увидел в нем хорошего человека, доброго и честного, тем совсем не похожего на меня. ... Когда моему мальчику исполнилось десять лет, мы отправились искать счастья в другом городе, где пред нами открыли бы ворота. Такой город нашелся. Сейчас я стою средь него и плачусь тебе, словно я здесь дитя. Тогда же я был счастлив, я нашел город, приобрел дело, ... стал торговцем, это так. Мой Моисей тоже был весел, в особенности от того путешествия что нам удалось пройти. Он все говорил о том, что хочет странствовать, я смеялся, надеясь, что у него это пройдет. Шло время и стал он уже старше тебя, совсем старше, окреп, мне показалось, что он уже и забыл свои детские мечтания. Увы, для меня, это было не так. Он сказал мне однажды – « я живу в целом мире, а вижу перед собой лишь клочок земли, мир создан таким большим, чтобы увидеть его». Я долго спорил с ним и не хотел отпускать, а когда понял что он все же уйдет, посмел отречься от него и сильно обругал. Уже спустя первые десять шагов его, я заплакал. Во второй раз в своей жизни. ... Я хочу, чтобы, когда он вернется, пусть не буду я жив, он увидит мое прощение. Напиши его для меня.

– Так как же зовут вас? – спросил Каин после огромной паузы, едва ли находя, что сказать в ответ.

– Зовут меня Ир, – ответил старик.

– Одному бывает совсем одиноко, – выразился Каин.

– Что же и ты одинок? – спросил старик Ир.

– Нет, хоть я и действительно один. Со мной всегда один странник, который говорит со мной из книги, – ответил Каин.

– Это интересно, – удивившись, сказал Ир.

– Была одна и со мной история, та, что совсем поменяла меня. Стал совсем как ваш сын. До того она подействовала на меня. Наверное, изменила даже...

– Эх, мой сын

– А вы знаете, чтобы ответил вашему сыну тот странник, что говорит со мной из книги?

– Так что же?

– « Я хотел бы не знать того мира, что увидел объехав весь свет, я хотел бы чтоб он навсегда оставался на картинках в мечтах».

Не верь всему свету сквозь каменный слой
Любому предмету, срезая объедки долой
По алому цветку роз красных на небе не жди
Пропой всему свету сам только туда не ходи

Да здравствует Царь наш великий Давид! Да вознегодуют прочие цари и владыки, народ священный обрел свой город.

Битвы не случилось, защитники пали, будто вовсе их ни когда здесь и не было. Единственным знаком войны послужили кровь и пожары, как и во всех войнах, во все времена. Поверженных забыли, уцелевшие бежали, и остался один лишь человек во всем Шалеме, не праздновавший, но и не умерщвленный. Он сидел один посреди вымощенной площади, поджав ноги под себя, его тело мертвым грузом давило к земле, вместе с головою, так и не упавшей, но склоненной к груди. По пояс голый, этот мужчина сидел без рубахи, весь залитый кровью, вряд ли бы его узнал кто-то, если б видел до этого. Одно лишь понять в нем было можно, он не искал сторон. Не искал, ибо не был убит, но и не поднят. Стало быть, это мог быть только лишь Ник, спасенный, вопреки и уже *posteriori*.

Шум празднества был завершен, и наступила та немая пора, когда чувства сошли, задохся кураж, а делать все еще что-то надо. Солдаты ждали царя, озираясь, глядели на то, что сотворили, и в толпе все же чувствовали победу, а не страх пережитого, который еще придет, но уже когда они будут одни. Они сидели и говорили о нелепых вещах, до тех пор? пока один не воспрянул, пожалуй, просто забывшись, и не начал поминать своих подвигов, случившихся как будто бы давно, но сегодня. Тогда снова оживились голоса, но уже совсем без шума. Неизвестно откуда напустилась черная туча залившая небосвод как чернилами, с первым же раскатом грома опустился дождь. Сначала он лил неимоверно сильно, словно старясь в один миг смыть всю пролитую кровь, но спустя уже пару минут стих, словно бросив начатое на пол дороги. Все там же сидел бедный Ник, словно вросший в гранитный камень, не шевелясь, и только слегка раскачивался, повинаясь незримым силам Ариэля. Открылись, наконец, врата цитадели, вышел таки царь. Подскочили солдаты, отпрянув от стен глиняных домов окружавших площадь. Царь проходил дальше, навстречу толпе, что встречала его. Его вид был задумчив, но притом очень горд, и хоть второе чувство он и старался показать как можно сильней, первое все же задавить ему так и не удалось. Под мелким дождем был слышен только его четкий, степенный шаг, и когда добрался царь до центра площади, тут ему и преградил путь избитый бродяга.

– Кто этот смертный? – спросил Давид у толпы.

– Он не из наших людей, – донеслось откуда-то, после длительной паузы.

– Так ты мой враг? – спросил Давид, уже обращаясь к самому Нику.

– Отрубить ему голову? – отозвался всадник, стоявший напротив, понимая, что тот царю уже не ответит.

Давид прошел мимо Ника, будто совсем уже отрешенный, но подал-таки знак всаднику. Всадник же поспешил выполнить веленый приказ. Лошадь его взметнулась на дыбы, ринулась вперед гонимая воином, но не успев проделать и десяти шагов упала словно подкошенная прямо перед Ником, и скрыла под собой всадника. Подойдя ближе, вся толпа замерла, будто пред божественным чудом. Из груди лошади торчало оперенье стрелы, и уж чудо действительно было, иначе, как лошадь не померла, достояла вплоть до тех самых пор.

– Человека унести в мои покои. Не убивать, – грозно приказал Давид.

Вы верите царям завоевателям, богам с титанической силой пожирающих скот, невидимыми легкими обоняющими посылы сжигаемого агнца. Так боитесь вы или верите? Страх становится религией на пороге смерти. Зиккурат веры вашей стоит на костях отступивших и рухнет на них под ногами неверных.

Небольшая выдержка из книги Ника, ни как не давала покоя Каину. Книга была столь огромна, что туда можно было вписать название всех существ обитавших когда либо на земле, с их подробным описанием, и тем не менее Каин прочел ее уже в четвертый раз. Вначале просто стараясь осилить текст, не погружаясь в смысл, затем разбирая отдельные главы, и наконец, до строки. Вот бы он пришел – думал все про себя мальчик. Будь он со мною, я понял бы все на земле, стал бы мудрее жрецов Египта. После он обвинял его вместе со своим отцом, что

тоже покинул его. Злился на весь белый свет, на свой несовершенный ум, на проклятую книгу, сплошь задающую одни лишь загадки, в то время как от нее ждут ответа.

Каждый человек в душе верит, что ему есть предназначение, но не каждый может понять этот посыл. Так было вероятно всегда и с незапамятных времен человека гложет любопытство. Что если я более всего причастен к событию? Может оно изменит мой путь? Вполне может и без вопросов, но подсознательно каждый думает именно так. Иногда это вытекает в форме ненужных сплетен, но подчас и достигает самых глубинных вопросов веры. Как следствие можно начать верить из любопытства. Только понять это станет невозможным, тогда как событие последующее уже свершилось, и крепко засело в головах. Так можно поверить и в человека, объясняя после это привязанностью. Получается, раз так и от человека это зависеть не может, само его желание быть, закоренело, сидит с самого детства. Выбор же состоит впрочем, тоже не малый, пойти ведь можно куда угодно и иногда даже поверить. Каин поверил в не случайность встречи с совсем не тем, кого тогда ждал. Выбрав новый путь, он впился в него, словно иных ни когда и не было.

Злость мальчишки отступала. Не зыбкая надежда о новой встрече тешила его, не ящик Пандоры тогда принес ему Ник. То была истина, что будет ею всегда, пока ее говорит Каин. Каин понял это тогда, когда не стал больше ждать, сидя целыми часами у ворот Вавилона под раскаленным солнцем, не смея уйти до тех пор, пока их не закроют вовсе. Не стал только ждать, но всегда помнил о нем, зная, что при нем осталось куда большее – сама суть существования Ника.

По всему городу Шалем были раскиданы тела, гнет пролитой крови довлел на стены изувеченных, выживших и побежденных. Внутри же этих стен, будто скрываясь от взора их, а именно в здании Капитолия уже зарождался праздник. Будто была это какая-то партия шахматных ходов загнавших одну из сторон в угол. Все станет историей, и тогда будут шахматы, а пока все же есть один уцелевший из тех, кто знает, что все было иначе. Под купол царского зала и собственно к самому царю, упрямой тяжелой походкой шел Ник. Казалось вот уже почти умерший бродяга, спустя каких-то двенадцать часов, снова оказался пред лицом царской особы. Жутко хромавший, не понятно, на какую именно ногу, едва сумевший разлепить, кровью слепленные, опухшие веки, в одной лишь набедренной повязке до колен, Ник до дрожи напугал присутствующих, не столько своим видом, сколько возможностью появления. Давид, казалось, был последний, кто нашелся было что сказать, а потому стояла полнейшая тишина. Царь оглянулся кругом, растолкал свиту и подошел в упор.

– Кто-то, по-видимому, сжалился над тобой. Так помолись ему и ступай, – неровно проговорил Давид, в совершенно не свойственной ему манере.

– Нет, ты ошибаешься царь. Жалеть меня некому, как и тебя тоже. А молиться бы можно, не сейчас конечно, но вообще можно, – отозвался Ник, с трудом стоя на прямых ногах.

– Так ты получается, не во что не веришь ... как зовут тебя? – спросил Давид.

– Ты все про богов мне говоришь, а я о другом пришел сказать... – отвечал было Ник, но остановился.

– Бродяга скрывает свое имя. От своего спасителя скрываешь? – разгневался Давид.

– Меня зовут Ник, можешь и ты так звать, но не называйся спасителем моим. Я просто не хотел умирать. Наверное, и ты не хочешь, потому и жив, – сказал спокойно Ник и подошел к окну. Зашевелились приближенные и стража Давида. Все они, почему-то почувствовали собственную беспомощность и в то же время спокойствие. За окном начинало светать, едва отчетливо проявлялись силуэты деревьев в саду подле цитадели.

– Тебя, верно, сильно измучили, раз ты осмелился высказать мне это. Что ж, сегодня я тебе это позволю, как ни как, ты не был слугой того народа что населял этот город, – царь отошел к противоположной стене, и уселся на небольшой табурет, остальные по прежнему

стояли. Помещение было совсем голым, не считая только того самого стула. – Оставьте нас одних, – по-прежнему низко, но при том не громко продолжил Давид.

– Раз, по-твоему я несу околесицу, чего ж ты выгнал их, а не меня? – спросил Ник.

– В честь праздника, в городе моего народа, – пояснил Давид усмехаясь.

– Празднуйте, коль так, каждый день празднуйте, что живете на этой земле. Только пусть они перестанут восхвалять тебя, – с некоей просьбой промолвил Ник и повернулся от окна.

– И моей власти ты признать не хочешь? – с прежней насмешкой, но уже и с любопытством спросил Давид.

– О, нет, у тебя есть власть, я знаю это, но она не столь велика как тебе кажется.

– Я единственный властитель своего народа и он предан мне. Какая еще тебе нужна власть?

– Мне право ни какой не нужно, за этим я здесь. Ты говоришь, как и тот, что был до тебя, перед самым приходом. Его судьба уж наверно тебе известна.

– Хочешь проклинать меня, так проклинай, но знай что в моих руках жизни. Твоя жизнь, – проревел царь.

– Я не желаю зла тебе. Его и так тебе желают, поверь, уж многие, помни ж об этом. Есть ли у тебя бог, которому ты веришь? – словно на последнем издыхании проговорил Ник.

– Бог? – крикнул Давид обнажая меч, и направился к окну где стоял Ник. Царь обрушил меч на голову Ника. Не долетев совсем чуть-чуть, меч прошел над головой, ударяясь о стену. Царь отшатнулся от промаха, как в тот же миг стрела прошла ровно в то место где прежде, он стоял перед Ником. Это было войско все того же Аравана отставшее в пути.

Словно пораженные солнцем, Араванские войны пали с рассветом. Бой продолжался недолго, но могло случиться быстрее, если бы в момент атаки обороной руководил сам Давид. Царь же в это самое время без сил лежал на полу пустой комнаты, под наливавшимся светом окном. Там же рядом лежал и Ник, на спине с согнутыми кверху руками и ногами, неровно дыша и чуть было не плача. В самый конец битвы в комнату явился некий полководец, радостный сообщить о победе. Однако в увиденной им картине его многое смутило, ему хотелось тотчас отрубить голову окровавленному босяку, что он, пожалуй, и сделал бы. Кинувшись к царю, полководец приподнял его голову, и только взглянув в лицо оборванца, донесся голос.

– Не тронь его, – хрипло прорычал Давид. Полководец чье имя было Рувим, усадил царя на стул, медленно поднимая под руку. По нему видно было, что он смягчился, и уже не думал дурного о бродяге, лежащем подле окна. Наконец с трудом взгромоздив тело Давида, и не услышав дальнейших указаний, сказал:

– Город отбит, их было мало – полководец стоял на одном колене, обращаясь как бы к обоим, глядя в окно.

– Не знаю враг ли ты мне, но человек страшный. Прошу тебя оставь этот город, – внезапно сказал Давид, обращаясь к Нику.

Над входом начало висит все глядя
Распахивать створы засовом гремя
Грозится в стремлении всяко вершить
Губить на корню, иль все-таки жить
Ворота уйдут у тебя за спиной
Оставив желанный беспечный покой
Проникнуться верой оставшись стоять
Шагая на выход, не вернешься вспять

Ник отправился туда, где его, возможно, ждут, уже безо всякой надежды. Обратно всегда хочется вернуться, если оставляешь нечто ценное там. В голове у путника была мысль о

доме. Дом ли четыре стены с крышей? Дом это место, в котором можно сделать остановку и не ждать когда выйдет время. Ник возвращался, и каждый раз думал, стоит ли, или остаться навсегда там где есть? Вот я вернусь, вернусь потому, что меня ждет тот мальчишка, ждет он меня, потому что верит мне. Так ведь и было, ну а теперь-то он уже большой. Дети самые прекрасные создания на земле, но у них есть большой недостаток – они вырастают. И вот уже из доверчивого мальчика Кайна вырос мужчина, который не станет слушать бред старика. В моих рассказах я не научил его жить как все, а теперь он захочет. Природа сплошных парадоксов сделала людей одним целым – обществом сделала, а человека личностью, которая хочет быть не похожей. У зверей в этом проще, померились гривой и все прояснилось. А люди ведь говорят, что они такие как все, не хотят выделяться, а делают совсем наоборот. И не разделишь их на плохих и хороших. Все хороши, аж воротит от вашей хорошеи. Но это правильно, иначе путь наш прервется, когда-нибудь, раньше, чем нужно.

Ник у не многого стоило добраться до Вавилона, гораздо сложнее теперь найти Кайна. Теперь ведь он уже вряд ли станет ждать у ворот. Город не малый, большим бы Ник его тоже не назвал, конечно, будут и больше в разы и десятки раз. Но и сейчас не маленький город путал его как мог. Топы бродяг, царских слуг и вооруженных мужей беспрестанно разгуливали по городу. А уж пройдя чуть дальше, все пространство будто съели своими палатками – лавками торговцы. У одной особенно пузатой лавки остановился Ник.

– Здравствуйте! Я по одному делу, – начал Ник.

– Приветствую вас господин! У меня лучшая ткань, пурпурных, червонных цветов, какие душе вашей будут угодны, – поздоровался торговец.

– Меня вовсе не ткани ваши интересуют, уж вы извините. Я ищу одного паренька, обыкновенный такой, – тут Ник остановился, замер как восковая фигура секунд на пять, так что у торговца уже челюсть начала отвисать, но за секунду до того как торговец хотел что то сказать, Ник продолжил, – он письмена правит, этот мальчишка.

– Ах вон оно что! – проговорил торговец, по-прежнему находясь в каком то едва не изумлении, – так эдаких уж наверно не мало.

– Его зовут Каин, – сказал Ник медленно, и с той же степенностью рука его вынула несколько золотых сиклей из – за пазухи.

– Так вы о том самом... его уж давно тут не видно, говорят он принят на службу при дворце, – с оттенком таинственности пробурчал торговец.

– Я вам очень благодарен, – сказал Ник поклонившись и пошел.

Он сам не сразу осознал, как ему удалось угадать новое занятие Каина. К добру ли оно пошло, благо попался человек, теперь хоть знаю... торговец то этот... Ник, опомнившись, побежал обратно. Обещанные сикли, так ведь и гремели у него на груди.

– Вы в самом деле мне помогли, а я совсем забыл. Это ваше, – Ник отдал монеты. Торговец пожал плечами и сунул денежки в карман, не зная, что теперь и сказать, браниться теперь уж было не к чему.

Ник уже позабыл, как пообещал мальчику вернуться. Мальчик вырос и уж, пожалуй, сам мог забыть, но Каин помнил. Даже забыв о детстве на улице среди торговых площадей и попрошайек, о том, что и сам был таким. Даже при дворе самого царя, он уже не будучи несмышленным мальчишкой, по-прежнему верил в Ника как в спасителя и главного человека необъятного мира. О том, как попал во дворец человек абсолютно посторонний известно мало, так как и самому Каину выяснить это не удалось. Можно лишь наверняка утверждать, что случилось это благодаря случаю с предшественником Каина. Предшественника звали – Набу, он то и поднялся на ступень выше, став главой царской библиотеки. Он пришел на место человека, с которым так же что-то случилось, и опять-таки не известно доподлинно. Выяснять уже историю последнего мы не станем, так как у нас есть всего два предположения, любое из которых, не

увязывается с остальными событиями непосредственным отношением. Так, например, почти абсолютно можно быть уверенным в том, что библиотекарь был стариком и помер по случаю окончания лет своей жизни, сколько бы их не было, они все равно ведь кончаются. Даже для Ноя их насчиталось не больше тысячи, а уж о современных людях и вовсе можно говорить как о беспрерывно обновляющихся лицах. Второй вариант, мог оказаться загадочнее, таинственнее, и от того более глубоким, объемным и уж разгадывать его дело не наше.

Так или иначе, Каин оказался в библиотеке. Хранилище знаний, место куда более интересное, чем бесконечные торговые площади. Под большими сводами потолков громоздились стопки и полки глиняных табличек, сухого пергамента и что особенно примечательно – не было пыли. Библиотека напоминала башню, потому что свет проступал лишь сквозь маленькие отверстия в самом верху, назвать их окнами было бы не уместно. Все помещение тщательно проветривалось, чтобы не было влаги, так что ходить приходилось укутанным сверху донизу. В этой башне библиотека занимала только один, средний этаж, два других этажа были куда меньше и всегда пустовали. Каину отводилось место в хранилище, то есть в самой библиотеке, тогда как Набу, по большей части находился в другой комнате, освещенном зале со столом и письменными принадлежностями. Обозначив задачи для Каина, Набу тут же отправлялся в зал и они практически не общались. Возможно, Каин и отказался бы от этой работы, хотя это стоило бы ему уж наверно не мало, цари редко терпят отказы. Решающую роль в этом сыграла одна маленькая деталь, которую раздуть можно бесконечно, лишь бы было из чего. Как всякая мечта, что рождается из одного элемента, другой человек мог бы этого вовсе и не заметить, но раз уж ее замечают, то превращают в идею. Другой человек не обращает внимания на деталь лишь потому, что у него уже есть своя идея и цель. Может не хорошо называть деталью человека, это действительно не правильно, но ведь тот же портрет деталью назвать можно. Каин увидел ее в один только миг и запечатлел в памяти, словно на картинке в одном положении с одной эмоцией на лице. Это была прекрасная юная девушка, мелькнувшая в дверном проеме в одну лишь секунду, а может и того меньше. Вскоре после приема царя, Каин выведал у все того же Набу, что та девушка скорее всего царская дочь, но он не мог говорить наверняка, так как ее не заметил вовсе. « По всей видимости это была Нинти, дочь царя, жена его наверняка бы вошла. К чему ты спросил? Забудь и не думай о том к чему не имеешь дела.» – ответил Набу.

Посетителей библиотеки было совсем не много, жрецы, обучающие детей из царской семьи, да некоторые господа из самого дворца, что было куда реже. Надежды Каина увидеть Нинти с каждым днем становились все более туманны, расплывчаты и уже превращались в химеру. Таким в его надеждах оставался и Ник, человек которого нужно было давно забыть, но забывать вовсе нельзя, иначе потеряется связь с прошлой жизнью, это как забыть себя. Большой талмуд так и остался в подвальной норе под воротами, и Каин уже давно перестал туда заходить. Но чем сильнее утопала в мечтах Каина надежда о Нинти, тем ярче становилось воспоминание о Нике. Случалось и наоборот, однажды.

– Сегодня для тебя есть ответственное задание. Вот что ты должен подготовить, – обратился Набу к Каину. Он протянул небольшой кусок пергамента с названием книг.

– Не волнуйтесь господин, это не сложно, – ответил Каин.

– Ты служишь почти у господ, так что любое задание должно быть важно, – возразил Набу, сделав поучающий жест указательным пальцем.

– Я бы... – Каин всякий раз хотел возразить на подобные реплики Набу, но всякий раз уступал, – так, кто же должен прийти?

– Придет Энки, и возможно не один.

«Возможно не один» – такое словосочетание Каин уже привык воспринимать, как « придет один», ибо всякий раз Набу говорил так, когда приходил только жрец. Каину такое положение дел казалось, за почитание его слабоумным, хотя Набу так вовсе не считал. Каин приговаривал все, как было указано, и далее уже его не занимали эти хлопоты, он даже подумал о том,

что может и не выходить в светлый зал. Стук сандалий о бетонный пол библиотеки заставил Каина прислушаться, человек шел явно не один. Каин прислушался снова и услышал, голоса. «Да, их там двое», подумал Каин, и тут же побежал к Набу. Тот шепотом проговорил что-то о том, что он никогда не ошибается, но Каин его почти и не слушал. Дверь отворилась широко, и вошли сразу оба. Какого было изумление Каина увидеть Нинти. Он сумел разглядеть ее, едва она перешагнула порог. Юная девушка была очаровательно красива, ее черты лица были плавными, глаза большими, а черные волосы лежали почти до колен. Узнала ли она его, припомнила ли в какой день, но глядела она как то украдкой. Каин же не мог оторвать взгляд, ему было и стыдно и даже как то совестно, но ничего поделать он не мог. Он изучал ее как ту книгу в подвале, ловил движения, и притом, она оставалась совершенно невозможной. Слова в диалоге жреца и библиотекаря не доставали до сознания Каина. Он кивал, как умалишенный когда дело касалось него. Нинти так и не проронила ни слова и снова ушла.

– Когда они придут за новыми книгами? – едва опомнившись, спросил Каин.

– Ты был не очень словоохотлив, – заметил Набу, – кажется, я предупреждал тебя, это не твое дело, подобные вопросы задавать не стоит.

Каин, едва дослушав Набу, отправился в темный зал, лелея надежду о том, во что почти перестал верить. Теперь Нинти снова стала реальной. Каин приготовился ждать, как он ждал всю жизнь. Сначала это был отец, затем Ник, а теперь и Нинти. Ждать его заставляла всегда надежда.

Ты одна невинная царица
Что так смотрит с высока
Улетаешь словно птица
Да не ввысь и облака

Ты пленяешь наши души
Даже в полной темноте
Ты же смеешь все разрушить
Да оставить в пустоте

По улице в небольшом сопровождении прогуливался мужчина. К нему подошел еще один, высокий одетый не по моде, в сплошной балахон. Тот первый был лысым и по всему видно жрец. И без того обостренное внимание горожан, привлекало то, что они шли вместе, и ускорив шаг, все вскоре удалились в сад.

– Мне передали, что вы очень стремитесь попасть во дворец, – начал первым жрец.

Как только они остались наедине, человек в балахоне скинул капюшон. Им оказался Ник.

– Дело касается царя и потому я здесь. Вы, наверное, еще не слышали о том, что случилось к западу от Евфрата?

– Вы хотите сообщить о Давиде? Так могу вас разочаровать, нам это известно.

– Речь вовсе не о случившемся, я хочу предостеречь вас от последствий. Для вашего народа они губительны, вы ослабляете свою бдительность в отношении к Арамеям, под предлогом того что случившееся благодаря Давиду коснется и их. Теперь вы направили свои силы на юг, где на вас нападают Халдеи.

– Какое вам до того дело. В конце концов, я хотел бы, чтобы вы назвались.

– Мое имя вас не спасет само по себе. Если вы не доверитесь мне, все произойдет именно так как должно.

– Я не занимаюсь военными делами. Это уж вы должны знать.

– Вы единственный кто может провести меня во дворец.

– Прежде обо всем, я должен рассказать сам.

– Значит дело сделано, – подытожил Ник. Снова накинув капюшон, он протянул записку жрецу и удалился.

В записке значилось место встречи и время.

Многое было пережито, а город всегда оставался собой, забирая людей в декорации. Люди менялись, но выглядело это так, будто заводная машинка крутила свои шестеренки и одна картинка меняла другую, но ты уже знаешь, что появится первая. Однажды машинка заржавеет, шестеренки застынут и не приведут в жизнь город, и Ник единственный кто знал, что этого не произойдет сейчас.

На улицы раскаленного города обрушился дождь, впервые за долгое время. По глазам людей было видно, что они не знают, как к нему относиться, что делать, радоваться или остерегаться. Один только человек в капюшоне дождя и не замечал. Ник шел по центру дороги совершенно свободно, улицы пустели, оказалось, что народ все же больше побаивается гнева с небес. Выйдя в самый центр рыночной площади, Ник поднял голову, глядя в небо. Из каждого угла на него смотрели, как на умалишенного, но лица увидеть не могли. На глазах у всех к человеку в капюшоне подбежали два стража и схватили в мгновение. Если смотреть не совсем внимательно, можно было, вовсе подумать что человек исчез, а может, его и не было вовсе.

Небо дрожащим льющимся плачем
Бьется о стены не в силах иначе
Высказать слово, бешенный рык
Чтобы ты снова к нему не привык

Будь на планете, укрывая от нас
Бога и ветер, что видит твой глаз
Мерь на себе молящие взоры
Верь, мы удержим Атлантов опоры

Играет солнцем оно без конца
Участия где-то, не видя творца
Его, затмевая, своды закрыв
Оно напевает небесный мотив

Ник сидел в темной башне, он знал, что находится уже во дворце, и вся эта история со стражами только фарс. Где-то совсем неподалеку идут перешептывания. Стоят стражники, тихо споря о том, кого они привели, слуги думают настолько громко, что уже раз узнали, как им кажется все. Слуги не каждый день среди ночи будят царя, и вот он уже стоящий на ногах, не может ни как уловить суть из слов жреца, приведшего человека, который и сам намеревался придти. Наконец царь понимает, что идти нужно, он приказывает привести пленника. Ника вводят в огромный зал и усаживают напротив царя. Первым хотел было начать Ник

– Вам грозит опасность...

– Говорить начнешь когда, я спрошу, – спокойным тоном проговорил царь. Выглядел он внешне совершенно спокойным.

– Как зовут этого человека? – спросил царь жреца.

– Ник, – ответил жрец.

– Откуда он? – снова спросил царь. Его вопросы были скорее для того что бы было время подумать, и отойти от сна. Говорить он вовсе был не расположен.

– Это мне не известно мой господин, – отвечал жрец.

– Так спроси его, – приказал царь. Ник в это время смотрел то на одного то на другого, временами ему казалось, что его не видят.

– Из каких мест ты родом?

Ник понял, что вопрос все же ему.

– Это дела не касается, – ответил Ник, – эти вопросы вам не помогут Кашшу-наддин.

– Ты всяким образом желаешь обозлить меня? – спросил Царь.

– я родом не из этого города, но имя мне твое известно Кашшу-наддин. А дело мое вовсе не в том, я зла тебе не желаю, как и добра в прочем. Я просто хочу предупредить тебя от беды, которая постигнет твой город.

– Что же, по-твоему, должно случиться? – смягчившись, вопрошал Царь

– Ассирийское царство захватит город, твое царство кончится, – коротко произнес Ник.

– Стало быть, ты пророк?

– Вовсе нет, ведь догадаться не сложно, ты и сам видишь, что происходит, разве не так?

– Как ты решил, что это будут не Халдеи?

– Мне нужно побывать в вашей библиотеке. Это для меня сейчас важнее всего.

– Отведите его в библиотеку. Мы встретимся позже, – приказал Кашшу-наддин.

Все понимали бедственность положения, но при этом каждый по-своему. Ник знал, что в отчаянном положении Кашшу-наддин позволит ему все что угодно, лишь бы он дал хоть какую-то надежду. Сам же царь давно думал о том, как ему покинуть город, и Ник в этом как ему показалось, мог бы помочь. В любом случае не ждал уже ничего худого. Даже жрец, который непосредственно участвовал в несколько загадочном пленении, ни на что собственно не рассчитывал. Ника тем временем вели по высоким, длинным коридорам. Сквозь окна, идущие по верху коридоров, доносился лишь запах сырости после дождя, такой бывает, когда дождь закончился, а тучи продолжают висеть на тех же самых местах. Затянутое небо не давало света, а ведь на него всегда можно было рассчитывать, когда звезды и луна светят, словно маленькие фонарики под высоким потолком видно бывает почти все. Но эта ночь скрывала в своем мраке, что-то тайное, в нем не различалась даже луна. Большие ворота отворились внутрь высокой башни, Нику показалось, что это та башня, где его держали, но как раз в тот момент один из стражей сказал, что это библиотека, показал куда можно сесть и сказал, что служители библиотеки придут позже. До утра впрочем, оставалось совсем не долго. Ник уселся на том месте, куда ему показали, и начал думать про Каина. Он думал, споря с самим собой, не замечая, как стал говорить вслух. Вдруг он услышал чье-то бормотанье за стеной, будто кто-то читал. Расслышать о чем книга было не возможно, но звук продолжал идти и Ник невольно стал засыпать. Дверь в соседнее помещение приоткрылась, Ник проснулся от шума засова и увидел Кайна.

– Здравствуй Каин, ты узнаешь меня? – робко сказал Ник. Вместо ответа мальчишка бросился в объятия своего спасителя, вернее он был уже не мальчишкой, он вырос хоть и был еще совсем юн.

– Прости меня, я ведь чуть не забыл тебя, едва не потерял веру, что ты существуешь, – наконец вымолвил Каин.

– Прости и ты меня, это я виноват, я покинул тебя. Прости, – они глядели друг на друга, улыбаясь и чуть не плача.

– Где ты был все это время? – спросил Каин.

– Должен был убедиться, что история уже началась, что новый мир создан. Я объясню тебе, если хочешь.

– Это нужно. Ведь как история началась? Разве только сейчас?

– Я понемногу прихожу к такому выводу, что у истории нет начала. Тот мир, который ты видишь для тебя лишь основа, порядок по которому ты будешь жить дальше. Пока ты живешь в моем мире. Я создал его, и буду жить здесь, пока он существует, а как кончится, придется создать новый.

– Я не знаю прав ли ты... но я всегда тебе верил. Я о книге говорю, – перебил Каин.

– Я знаю, потому и могу тебе рассказать. И знаю, что ты не сочтешь меня сумасшедшим. Ведь все поклоняются или вовсе ни в кого не верят, я не хочу, чтобы ты стал таким. Я хочу, чтобы ты знал, что не станет ни рая, ни ада, после смерти ты прекратишь существовать или служить богам. Твоя жизнь начнется с тебя. Пересохнут моря океаны и реки возродятся и разрушатся горы, ты увидишь это. Ты нарисуешь то, что будет подвластно тебе, – Ник долго еще рассказывал о том, как прожил несколько раз по несколько тысяч лет, о том, что не смог однажды вспомнить, как было в его жизни под богом и о том, что это все же было, он знал наверняка. Они сидели до рассвета и видели, как разбегались по небу тучи, и восходило солнце. В городе снова начиналась жара, по городу забегали люди и вот-вот должен был появиться Набу. Однако первым вошел вовсе не тот, кого ожидал видеть Каин. Вошел слуга и как подумал Ник это за ним, следом появился Энки, которого уже успел узнать Каин и его сердце дрогнуло. Энки пришел один, в этом и было замешательство Каина, как же теперь он всегда станет приходить один? Слуга обратился к Нику

– Меня позвали за вами, что бы отвести к Царю, – поклонившись, произнес полу лысый слуга. Ник встал и, обняв Каина, успел прошептать ему, что-то на ухо.

– Я предполагал застать Набу, но раз уж его нет, дорогой Каин вам будет необходимо показать библиотеку принцессе Нинти, – произнес жрец, после чего лицо Каина будто схватил паралич.

Преодолев коридоры дворца, Ник вошел в тронный зал, и хотя ночью под светом свечей можно было едва ли что различить, он понял, что вчера был в другом месте. Царя все не было, Ник стоял, рассматривая уборы дворца. Слуга посмотрел на него, будто хотел что-то спросить, он подумал, что Ник не носит бороды и пышных волос, потому что сам был рабом. Он так только предположил, но едва взглянув в его глаза, устыдился и стал порицать свою мысль. Ник посмотрел на него, повернув только голову, и сжал челюсти. Затем снова подняв глаза Ник выдохнул и сказал

– Все будет хорошо, не верь этим бородатым мужам.

В зал вошел царь, разодетый в наряды из пестрых тканей и золотом, вид у него был помпезный, будто это вовсе и не он был, тогда ночью. Величественной походкой Кашшу-наадин подошел к трону, Ник двинулся к нему, но страж тут же взял его за локоть.

– Пусть подойдет, – приказал царь, медленно усаживаясь в трон.

Ник прошел в центр зала, огляделся в поисках стула, но не нашел. Слуги смотрели на него так, словно это зверь вошел в царские покои. Обычно все кто входил сюда, боялись проявить не уважение к царю, да и просто боялись уже самого присутствия его перед собой. Разговор начал царь, как и подобало, хотя это случилось лишь потому, что Ник вероятно говорить вовсе не хотел.

– Ты нашел, что искал в моей библиотеке?

– Обычно я слышу первой фразу приветствия, – парировал Ник.

– Может стоит отвести тебя за дверь и научить, как подобает говорить со мной, – жалкий оборванец? – резко сказал Кушшу-наадин, вцепившись руками в головы золотых львов, на поручнях трона.

– Воля твоя, приказывай, царство твое не вечно, может это твоя последняя возможность. Может, позже ты будешь жалеть, что не дал своим стражам приказ. Может, на какой-то миг пожалеешь, а может, будет тебе жалко меня. Я уж ни чего от тебя не жду.

– Будем считать, что ты услышал мои слова. Так что за совет ты дашь мне, нашел ли ты спасение этому городу? – царь несколько успокоился, и сам уже обдумал неуместность своего гнева.

– В городе неподалеку, есть разрушенный храм, восстанови его, – посоветовал Ник. Он начал рассматривать окна и они ему кое-что напомнили.

– Ты видно смеешься надо мной, и не видишь, что происходит вокруг, мне нужно войско, а не храм.

– Возможно, храм и даст тебе войско, а может спасение придет иным способом, но прежде ты должен отстроить его, – не унимался Ник.

– О каком же храме ты говоришь?

– О храме Шамаша, – ответил Ник.

– В городе война и голод, нам не отстроить храма

– Я дал тебе мысль, которую ты должен думать.

– Ты не утешил меня Ник. Раз уж так я должен казнить тебя, но для тебя будет время. Молись своему богу, Шамашу или кому угодно, молись, чтобы я отстроил тот храм.

– Молиться я не стану, а будет все именно так говорю я тебе. Прикажи своим людям проводить меня обратно в библиотеку.

Схватившись за голову Кашшу-наадин, сделал жест в сторону Ника, что означал согласие. Выходя из залы Ник снова видел того человека что приходил этой ночью, не величественного царя, а узника своего же города Кашшу-наадина.

В библиотеке царя в то же самое время произошла другая история. Каин чуть было не сходил с ума, он не мог и подумать, что все случилось так. В то же время Каина не покидала тревога, которую он все ни как не мог объяснить для себя. Нинти стояла прямо перед ним и говорила ему, что-то улыбаясь, а Каин все слышал, слова доходили до него, но тут же он терял их смысл. Нинти просила показать ей библиотеку и самые интересные книги. Наконец не дождавшись ответа, она пошла сама. Каин посмотрел ей в след и пошел, а следом добавил:

– Меня зовут Каин.

Сознание, наконец, вернулось к пареньку с этими словами. Нинти теперь уже ничего не говорила, она просто рассматривала полки и глядела вокруг. Каин смотрел только на нее и уже ждал, когда она заговорит с ним снова.

– Расскажи мне о книгах, что ты хранишь, – вскоре сказала Нинти.

– Здесь хранятся древнейшие письмена и сказания. Все они интересны, а многие связаны между собой как одно целое, одна большая песнь, которую можно петь вечно, – мечтательно произнес Каин.

– Но ведь есть какая-то книга, которую ценят больше всего? – спросила Нинти.

– Пойдемте я покажу ее, такая, пожалуй, есть, – сказал Каин, приглашая Нинти словно в собственный дом.

– Я с удовольствием послушаю, если ты прочтешь, – предложила Нинти. На ее лице все не исчезала улыбка. Каин от того радовался все сильней, ему казалось что она чувствует что-то похожее.

– Книга называется «сказание о все издавшем», – начал Каин. Он аккуратно взял табличку, сел возле полок, и постоянно обращал взгляд с книги на Нинти.

Древний город далекий Урук
Хумбаба под кедровой тенью
Проснется под солнечный круг
Лик бога с утренним пеньем
Узнаешь путь земли и небес
Пройдешь по горной тропе
И увидишь потерянный лес
И проснется голос в толпе

Дочитав табличку, Каин остановился, глядя на Нинти. Она сказала, что на сегодня этого будет достаточно. Каин обрадовался такому ответу, он понял это как возможность следующих встреч, хотя расставаться прямо сейчас ему, конечно, не хотелось. Нинти не высказалась определенно, понравилась ли ей книга, но Каину показалось, что слушала она внимательно. Она так и сидела на скамеечке Каина, слегка опустив голову. За дверью были слышны голоса, Каин подумал, что это мог быть Ник и даже успел прогнать мысль, о том, что их можно познакомить, но позже решил, что это было бы глупо, потому что он и сам не очень-то хорошо знал Нинти. Да и Ника то он почти не знал. На секунду он почувствовал себя одиноко, от мыслей о людях, которых он любил и при этом почти не знал. Уже совсем скоро Каин пришел к другому заключению, о том, что он мог и не узнать их вовсе, а теперь они здесь, совсем рядом, и ему снова стало хорошо. Голос за дверью становился все громче. Нинти вскочила, быстро поблагодарила Каина за книгу и вышла. Пришел Энки и увел Нинти с собой. Каин снова остался один, но на сей раз ненадолго. Почти сразу же в башню вошел Ник, по-хозяйски распахивая ворота, он даже не остановился, проходя в библиотеку.

– Здравствуй Каин, – сказал Ник. Он улыбнулся той натянутой улыбкой, что всегда предвещает, какие-то иные смыслы. Каин обнял его и улыбнулся тоже.

– Ты остаешься? – спросил Каин

– Дела у царя плохи, и ты понимаешь это сам, наверно, – Ник медлил, хотя было видно, что хотел сказать больше.

– К чему это ты все Ник?

– я хочу, что бы ты пошел со мной, но решать это только тебе. Как ты думаешь?

– Я не могу... вернее не хочу. Я хотел бы, что б ты остался,, а сам не пойду, по другой причине

– Я видел ее, дочь царя. Наверное, я правильно мыслю. Но ты лучше расскажи, не тая, я пойму, обязательно пойму. – Ник видел в лице Каина все того же мальчика, что и раньше, он всячески пытался сказать так, чтобы тот понял правильно.

– Ее зовут Нинти, – Каин снова растянулся в улыбке.

– И что же ты думаешь? – прервал Ник улыбавшегося мальчишку.

– Я читал твою книгу, прочел ее всю. Тогда мне показалось, что я знаю обо всем на земле. Что нет такого места, в коем я бы не разобрался. Но таковое нашлось, и это она. Когда я впервые увидел другие книги, то подумал что они неправильные, но позже понял, что это твоя книга выделяется из всех остальных, и признал в ней еще большую ценность.

– Так видимо случится и с Нинти?

– Я не знаю... в твоей книге, описывается одно место, а зовется оно Эдем. Это место вечного счастья. Я понял именно так.

– И ты в него веришь?

– Еще я слышал о другом похожем месте, о нем мне говорили жрецы, – оно зовется Дильмун. – рассказывал Каин, в его голосе было нечто таинственное.

– Я знаю это место, – с грустью проговорил Ник. Он уже засомневался в решении сказать это, но обретение друга предполагало откровение, и тем Ник утешил себя.

– Так какое из них существует? – спросил Каин.

– они есть оба, но не в том представлении, что видят все. Это всего лишь точка, каждый раз одна лишь точка. Я расскажу тебе, что ты читал и расскажу свою историю. Я вижу, как ты веришь мне, – Ник пристально глядел в глаза Каина и тот спросил.

– Что за книгу я читал?

– Это библия. Книга о истории бытия, в которую все поверили. И я тоже. Я есть бог. – на лице Ника было выражение совершенно дурацкое, сложно было сочетать его с тем смыслом что он нес в своих словах. А при этом он даже и не старался сделаться другим. – Это звучит большой глупостью из уст невольника, всего лишь человека. Знаешь что еще глупее, так это

то, что я продолжаю во что-то верить. Верю в то, что существо, которое есть в каждом из нас, оно сильнее и оно есть бог, а вовсе не я. Оно окружает нас во всем, в каждой древке, листочке, капле. В общем, нужно изъясниться прямее, понятнее что ли. – Ник бросил беглый взгляд на Каина словно выискивая понимание того чего еще не успел сказать. – Я родился как и ты, в мире, у которого есть бог, всемогущий или дурак такой как я, мне неизвестно. Главное то, что все было так, как мне казалось, должно быть. Если совсем правдой, я и не думал о том до определенного времени. Я был маленьким, затем вырос, рос я в другом времени, но это не важно. Я стал большим, пошел на войну, как и твой отец, помнишь, ты говорил. После войны же я только понял, насколько она ужасна и попытался исправить свою жизнь. Это понимание пришло несколько позже, вернувшись же, я чувствовал себя так одиноко, что считал свою жизнь пропавшей. Однажды я встретил девушку, она жила в нашей деревне с рождения, но заметил я ее только тогда. Я покупал молоко у одной женщины, приходил к ней домой, расплачивался и уходил. В один день вместо нее вышла на порог молодая девушка, ее дочь. Мы заговорили о чем-то, и после она уже сама приходила ко мне с молоком. Она полюбила меня, думаю, я не ошибся. Она мне так же была не безразлична. Времени прошло не так много с первой встречи, как меня посетила мысль. Мысль была о том, что я испоганил свою жизнь и вернуть ее вот так нельзя. Я поверил в рай и ад, и подумал, что ведь будет и еще шанс, только надо его получить. Я ушел в горы, стал отшельником и погрузился в молитвы. Я изучил наизусть библию, тогда мне казалось, я просветился. Ту девушку я уже почти позабыл, и мне казалось, что в этом была правда. Когда пришло время я, говоря на простом языке – помер. Да ты не ослышался. После же я попал в неопределенное пространство, которое я бы назвал лимб. Что-то вроде контролируемого сна. Мне долго пришлось мучиться, прежде чем я понял, что то пустое пространство, где я очутился, вовсе не рай и не ад. Я оказался предоставлен себе самому. Я должен был сам сделать свой мир. Вся моя вера рухнула в один только миг. Едва не впав в отчаянье, я все же смог совладать с собой, чтобы жить. Жить мне приходилось в том, что я мог создать сам. Долгое время мои миры прекращали существование совсем скоро, не проходило и века. У меня не было абсолютно ни кого. Я так нуждался в друге, что собственными силами создал ту девушку, от которой тогда так легко смог откреститься. Но даже создав ее, мне не стало спокойно. В своем подсознании или глубине души я понимал, что она не настоящая, и тогда она исчезала. Она уходила, а я не мог найти ее после. Тогда я создал Эдем. Я подумал, что если создать все так, как и было, она вернется ко мне. Создав новый мир подобный библейскому, она так и не появилась. Я долго искал ошибку и пришел к выводу о том, что была и другая история. Дильмун – это и есть тот мир, в котором ты живешь. Его я создал после. Однако теперь я уже не грежу теми надеждами, я просто ищу друга. Представь себе тысячи лет...

Они оба молчали. Стоя под сводами башни, Ник и Каин подпирали спинами полки. Время само будто прекратило свое течение в этой немой картине. Ведь если поверить, представить только, что все есть чистая правда? Разум не даст, поставит преграды и уйдет прочь, но душа не станет спокойной, только дай возможность поверить. Можно превратить всю историю в сказку, и быть может она ей останется. Но ведь так будет лишь в твоей голове, а правда навсегда останется у другого. Каину – ему теперь с этим жить. И Нику захотелось в этот момент просто уйти и не говорить уже больше.

– Я всегда тебе верил, – начал Каин, – я и теперь верю, но я все же хотел бы остаться, – Каину сложно было найти еще слова, сказал он только это.

– Хорошо. Я не стану препятствовать и желаю тебе только добра. Я какое-то время останусь в городе, если что, ты сможешь меня найти. Мы попрощаемся с тобой, но не сейчас. – Ник не был уверен в своих словах, но подумал, что сейчас они будут уместнее.

Два друга обнялись на прощанье. Ник ушел.

Прошло около недели. Всю неделю Каин провел один, в ожидании Нинти. Он все думал, стоит ли рассказать обо всем, что говорил Ник. Каждый раз его удерживало то, что как не рас-

сказывай он не смог бы этого доказать. Единственным свидетельством правды могла бы стать библия, но она так и осталась лежать в пещере под воротами. Даже если ее достать, нужно ли это хоть кому-то из них. Возможно, Нинти это было бы интересно, но рассказать ей об этом лишь из интереса было бы предательством по отношению к Нику. Мысли Каина иногда прерывал Набу, раздавая распоряжения. Набу был словно маятник, качавшийся из одного места в другое, проделывая одну и ту же работу, при этом человек он был действительно умный, знающий обо многом, но вероятно боявшийся выйти за рамки своих знаний. Он с недоверием относился к книгам, которые поступали в его библиотеку, с опаской принимал новых лиц при дворе. Набу скорее желал, чтобы время остановилось на месте, заперло бы все на своих местах. Каин, который провел здесь уже больше года, даже с ним у Набу отношения складывались исключительно деловые. Обычно Каин сам пытался завязать диалог, иначе было в случаях поручений и только. Случилось, пожалуй, из ряда вон, что-то не обычное, когда однажды Набу заговорил не о делах.

– Каин, ты ведь знаешь того человека, что был здесь недавно, как его звали? – спросил Набу, он выглядел уставшим, хотя на дворе был еще полдень.

– Его звали Ник. – кратко ответил Каин.

– Мне показалось, что этот человек знает куда больше, чем он поведал царю. Я хотел бы знать, что говорил он тебе, это сейчас очень важно, мне не хотелось бы говорить этого, однако теперь наше положение, знаешь ли... оно не из лучших, – Набу явно хотел сказать больше.

– Да я знаком с этим человеком, но ничего такого он мне не сказал, мы по большей части говорили о том случайном, что умудрилось приключиться с нами, о том, как мы встретились. – Каин наверняка понимал, о чем спрашивал Набу, но сейчас его это не тревожило, и он задал вопрос, который действительно волновал.

– Тебе что ни будь известно о Нинти, Набу?

– Она появится в библиотеке завтра, – Набу явно был раздражен и, несомненно, разочарован.

– Спасибо Набу, не беспокойся за царя, твоя жизнь на нем не заканчивается. Когда все начнется, спрячь и унеси те книги, что сможешь.

– Куда же мне их нести?

– в Ниневии должна быть большая библиотека, отнеси их туда. – Каин решил, что для Набу будет лучше назвать конкретное место.

Гляди эту жизнь глазами Кассндры
Когда пред тобой открытые карты
Связаны руки скованный рот
Тянется пастью к тебе Бармаглот

Что бы не произошло, она всегда была такой же прекрасной, как и сейчас. Каин думал о Нинти так же как Набу о своей библиотеке, так словно она есть только в одном времени и не измениться никогда, какие бы обстоятельства не приходили извне. Одно в них отличие все же было, Набу ничего не знал, но уже казалось, догадался, а Каин напротив, знал все, но всячески отрицал. Им обоим не хотелось верить, что сейчас изменится многое. Каин снова увидел Нинти на следующий день, он старался держать в голове все до мелочей, наперед зная, что потом представит все до деталей. Вот она входит в светлый зал, скромно держа руки сомкнутыми перед собой, она поднимает черные глаза к потолку, она всегда смотрит туда, когда заходит. Пурпурные с золотом наряды ярко выделяют Нинти на фоне каменных стен, Набу кланяется ей, она кивает ему. Все это время Каин смотрит сквозь шелку в двери, ему кажется, что это картинки из сна, в котором он все так замечательно устроил. Войдя наконец, к в следующий

зал, Каин начинает улыбаться так сильно, что Нинти становится неловко. После неловкого приветствия они немного оживают.

– А я ждал, что вы придете, – начал Каин, глядя то на дверь, то на девушку.

– Я сразу хотела прийти, но не могла, – ответила Нинти.

– Что ж, я продолжу с того места где мы закончили, – предложил Каин.

– Конечно, но прежде у меня есть вопрос к тебе Каин, – по лицу Нинти было понятно что оно скрывает тревогу.

– Я знаю о человеке, что приходил во дворец. Не знаю кто он такой, но мне даже показалось, что это он приносит те несчастья, что обрушились на наш город. Теперь я знаю, что это не так. Я доверяю тебе Каин, если он действительно может чем-то помочь, зачем он ушел?

– Наверяд ли он смог бы помочь, – Каин действительно подумал именно так.

– Отец отправит меня в Ниневию, там его брат. Я бы хотела, чтобы ты отправился сопровождать меня, – Нинти сказала это твердо и без эмоций.

– Конечно, – лицо Каина оставалось спокойным, но все нутро его выворачивало, не зная как воспринять такое предложение.

– Что ж, теперь мы можем продолжить чтение? – спросила Нинти. Каин поглядел на нее еще несколько секунд, затем бросился к табличкам, будто он дал им фору, а они уже побежали. Каин положил таблички на колени и начал читать.

Звездное небо светило так сильно, что, наверное, ни будь у этой башни крыши, можно было бы читать без света как днем. Каин знал, что она вот-вот уйдет, но с каждой минутой ему все сильнее казалось, что кто-то смиловался над ним и ничего страшного больше не произойдет. Тот грохот, гремющий по стенам дворца, разрушил-таки уверения Каина. В библиотеку вошел Энки. Он тяжело дышал и старался улыбаться. Каин хотел было спросить Энки, но его надежда уверяла не говорить. Вопрос мог быть только один – вошли Ассирийцы в город или нет. Они не прощались, Каин подумал, что сейчас это будет ни к чему, а мысли Нинти успели уйти и уже не видели рядом Каина.

Кровавая бойня разящими кинжалами раздирала Вавилон. Город, ставший блудницей в руках императоров, погружался во тьму под факелами захватчиков. Звезды гасли не в небе, они исчезали с глаз, смотрящих вверх, молящихся и обреченных.

Рвется на части сердце Имира
Тысячи глоток безумного пира
Светится солнце, отражая луну
Рушится берег, обнажая скалу
Точатся зубы в спешных боях
Все как один в огромных роях
Множатся люди на часть, миллион
Молится в каждом один этот слон

Надо срочно найти Нинти и скорее уходить. Нет ее уже здесь, наверное, нет, искать нужно Набу. Становилось страшно, по крикам уже можно было определить, куда пробрались ассирийцы. Сквозь все эти мысли в голове Каина была еще одна – будто его перешибли веслом. Каин вышел из библиотеки, прошел по длинному коридору к тронному залу, отчего-то он решил, что сможет выйти через главный вход, может потому, что вошел сюда он именно так, и вот уже больше года не выходил вовсе. Шло время, залы забивались стражей, жрецами, министрами, найти хоть кого-то было почти невозможно, да даже если найти, на тебя ни кто не обратит внимания. Все слишком заняты, чтобы о тебе помнить. Каша в голове Каина, наконец, начала проходить, он потихоньку стал осознавать, что все выходы из дворца забаррикадированы, оцеплены, зажаты. Теперь только ждать. Будет момент, когда оборону прорвут, тогда

остальные входы оставят, и пока и в них не ворвутся войска, нужно поймать этот момент. Все держатся, еще не взяты подступы. Скоро все кончится, очень скоро, будет страшно. Весь мир будто вжимается в одного человека, которому так страшно, что глядя на всю безысходность, он почему-то все еще верит, что не умрет.» Это ведь я – Каин, я не могу умереть. Я бегу на свет распахнутых ворот, они ведут вниз и что будет там неизвестно. Я почти на пороге, а на встречу бежит толпа, они сметут меня и все кончится, один маленький шаг. Словно хищный зверь хватает меня за шиворот, это чья-то большая рука, сбивая жадные рожи, проносит меня сквозь армию головорезов. Я падаю вместе с ним».

– Каин, ты слышишь меня? – голос в своем сбитом дыхании, вышвырнул эту фразу навзрыд. Они уходили дальше, и лишь там, где ни кого нет, в какой-то подворотне сели оба напротив.

– Ты ранен? Не бойся. Не бойся меня, – это был Ник, он скинул свой капюшон и достал нож.

– Нет, вроде ни чего, – Каин ни как не мог вернуться, он готов был к смерти, будто решив уже, что думать больше и не нужно.

– Дай мне, пожалуйста, руку, – попросил Ник. В руке у него по-прежнему был нож, но Каин не нашел сил спросить зачем, или просто верил так сильно. Ник полоснул ножом по запястью Каина. Каин издал стон, почти без звука. Кровь выступила на кожу и словно остановилась. Ник вытер кровь краем балахона.

– Ты больше не станешь бояться, ты бессмертный, – они смотрели друг другу в глаза и улыбались как безумные. Каин обнял Ника, и так они сидели, обнявшись, посреди пылающих улиц города, не слыша криков и слез.

– Прости меня Каин, – внезапно Нику стало жалко этого парня. Они плакали оба.

Врата бога оставались позади, но ты ни когда не узнаешь, вышел ты в них или вошел. Закончилась одна история, за ней непременно начнется другая. Солнце снова взошло над Евфратом, Шамаш не стал тосковать о разрушенном храме. Где-то и можно было найти свою правду, но не надейтесь, что вам ее расскажут боги.

На выходе из города Каин спросил:

– Мне нужно в Ниневию, но и добравшись туда, я не знаю, как поступить. Нинти должна быть там, и я хочу быть с ней, ты поможешь мне?

– Я сделал все, что было в моих силах, и если она любит тебя, как и ты ее, вам ничего не сможет помешать. Теперь не сможет, – по лицу Ника пробежала улыбка, он присел на колени, взял в одну руку песок, а другой сделал жест, как бы приглашая Каина.

– Я пока не все понимаю, что происходит, но поверь, мне нужно быть там. – Каин посмотрел в сторону, далеко на север.

– Пойдем вместе, если хочешь.

– Я хочу знать, что с ней ни чего не случится. Ты бог, можешь ведь ты обещать мне это?

– Я создаю мир, но не влияю на него теперь, пока я не связан с нею, она часть этого мира, – Ник настолько рад был другу, что все остальное для него теперь казалось делом решенным.

Дорога была длинной, в одиночку Каин, мог бы плутать по ней очень долго, но с ним был Ник. Счастливое чувство, когда ты не один и кому-то нужен, чтобы не случилось теперь, Ник всегда будет помнить этот момент. Кругом никого, песок и редкие кустики на сотни километров ведут двух путников все дальше и дальше. Они должны увидеть зеленые горы на черточке пыльного горизонта, но пока ничего нет, одна рябь плывет где-то чуть поодаль, будто солнце плавит здесь воздух. Шаг за шагом тело кричит все сильнее, напоминая мозгам, что пора бы кончать свои мысли и подумать уже о другом, насущном вопросе. Идти еще долго, а позади осталась бессонная ночь, которая ни как не хотела кончаться. Каин уже давно очень устал, как бы ни хотел он себе это признать. Сидя в библиотеке можно напрочь отвыкнуть от жизни вообще, не говоря уже о походах, терзающих огненным солнцем и той сковородкой,

что съедает все под тобой. Ник же в свою очередь привык к такой жизни, тянувший его словно игрушку на веревке по каменной дорожке, привык к жизни вообще, какой бы она не была, он перестал ей удивляться. Были же и у него те моменты, когда думаешь о том, что тяжелее уже не будет, когда еще чуть-чуть и все, мир перестанет существовать или просто упадешь и не сможешь, но почему-то он мог, всякий раз, когда наступал момент предела, находились силы и предел отступал от него на шаг. Омут тонущего мальчика затягивает к себе в круговорот, а он упирается, гребет что есть сил, берег – он здесь его можно увидеть, но он не конечная цель, потому что это не мальчик гребет к берегу, это омут схватил его своей могучей рукой. Иссаякнув все силы, да только мальчик тот все на месте и он ждет, когда рука все же отпустит, его силы найдут новый предел, до которого опять будет еще один маленький шаг.

– Ты, наверно, устал мой друг? – сказал Ник.

– Нет, что ты, нужно еще много пройти, – с одышкой ответил Каин.

– Поверь, с ней все будет хорошо, нам не к чему так спешить.

– Мне просто нужно туда, понимаешь? – ответил Каин, уже едва не остановившись.

– А ну-ка, погляди туда, – Ник указал прямо, – это ведь горы.

В ответ Каин только едва улыбнулся, и они пошли снова. На горизонте сменилась картина. Они шли пятый день, смертельная жажда давно бы свела с ума любого человека, но то были люди не простые, Каин и Ник гласили историю этого мира, а потому не могли умереть. Если читать окружающим книгу, то умолкнув, она замолчит вместе с тобой, она не сможет продолжиться без читателя. Да можно привести пример с картиной, ведь художник не рисует ее у вас на глазах, но и нарисовав, картина не расскажет сама о себе. И все же в голове Каина не могла прижиться мысль о бессмертии.

– Ты говоришь мы бессмертны, но ведь нас могут убить, – начал свою мысль Каин.

– Нет, не могут, – тут же ответил Ник.

– Отрубят голову, а без нее как жить?

– В том то и дело, что отрубить ее могут, но не сумеют этого сделать.

– А чего там уметь, махнул топором и все.

– Тебе еще не знакомо выражение «квантовое бессмертие», но я объясню. По этой теории человек проживает определенные моменты по-разному в нескольких параллельных вселенных, то есть если на тебя обрушится скала, ты умрешь, но согласно теории квантового бессмертия, в другой вселенной этого просто просто не случится, скала так и останется висеть над тобой. Так же и меч, занесенный над тобой, упав, может попасть куда угодно, но не прекратит твою жизнь. Мы с тобой всегда будем находиться во вселенной выживших.

– Откуда ты знаешь?

– Со мной многое случалось. Думаешь за те тысячи лет, что я здесь, мне не приходило в голову покончить с собой? Я многое перепробовал, – Ник странно искажил лицо, затем гримаса застыла и погрузилась в какие-то воспоминания. Каин успел слегка испугаться, пока Ник снова не посмотрел на него.

– Смотри там человек, я спрошу дорогу. – Каин бросил фразу и побежал.

У подножья гор, с отарой овец проходил старый пастух, казалось он просто водил их следом. Овцы животное бестолковая и за ними иной раз погонишься, не догонишь, а за стариком идут, словно на привязи. Каин подошел осторожно, боясь распугать овец.

– Мы держим путь на Ниневию, но не уверенны, что идем точно. Если бы вы направили нас, мы были бы вам благодарны.

– Город не далеко, вы верно идете, – ответил пастух.

– Спасибо вам добрый человек, мы помнить вас добрым словом будем.

– Вы точно хотите идти в город? – почему-то спросил пастух.

– Точно, – с опаской ответил Каин.

– Скажи нам сразу, если есть на то прок, – вмешался Ник.

– Там все отчего-то мрут, случилась болезнь на всю округу, многие уже ушли.

– Идем же скорее, ее вызволять надо, – прокричал Каин.

– Ты только не бойся, ничего ведь не ясно, – сказал Ник. Они снова отправились, не успев попрощаться со старым пастухом.

Город и впрямь был близок, до ворот всего ничего, а они уже страшат своим створом, как пасть бешенного пса. Над ними надписи лишь не хватает, подумал Каин. Ник тоже был встревожен, первое же на что он обратил внимание – это отсутствие стражи в воротах. Ник не подал вида, дабы не сеять в Каине еще больше паники. Они вошли. Город был почти пустым, но та суеда, что была внутри домов, была и там, на его задворках, где проникала повсюду, маленькими вспышками боли и нарастающей тревоги. Ник словно почувствовав это, незаметно исчез, он вошел в дверь, ведущую, словно сквозь стену в большой дом и на его двор. Один черный проем сменился другим и вот уже следующая дверь обнажавшая тайну, проступившая светом, показавшая смерть. В самом центре двора лежала совершенно одна молодая девушка с распущенными черными волосами. Ник узнал ее, едва лишь увидев, он подошел, опустился на колени и трясущейся ладонью провел по ее лбу. Сквозь частое дыхание, всхлипывая, словно ребенок он произносил едва слышные фразы, которых не слышал и сам.

– Это не я, – бормотал Ник, качаясь на своих коленях.

– Это ведь не я, так ведь, это же так? – последнюю часть фразы Ник прорычал, едва увидев вошедшего Каина.

– Нинти, – хрипло прозвучал голос Каина. Он подбежал скорей и увидел ее совсем другой. Она лежала словно крестьянская дочь в одеяниях матери, без золота украшений и пурпура. Такой он и представлял ее вместе с собой. Каин сел рядом, все лицо его было мокрым, то ли от пота то ли от слез, он посмотрел на Ника.

– Уходи, – проговорил Каин.

– Каин, я не знал ... – успел ответить Ник.

– Я больше не хочу тебя видеть. Уходи, – отрезал Каин.

Будущее всегда кажется далеким, даже если выждать нужно не такой большой срок. Взять хотя бы лет десять, отмерить в будущее и уже каждый скажет, что мир будет жить совсем по-другому. Иногда и это бывает правдой, когда из ряда вон происходит большое событие, но в целом же мы всегда преувеличиваем ожидание. «Пройдет сто лет и возможно, забуду все это» – думал Каин, но куда он думал, сто лет уже шли. Эти сто лет шли и для Ника, который ушел совсем далеко и решил больше не приходить в Месопотамию. Однако встретиться им все же пришлось. Ник обосновался в Дамаске, и довольно скоро стал изысканным ювелиром в городе, а позже обзавелся землями и стал землевладельцем. Так продолжалось до одного похода Ассирийского царя, который и отправил пленного Ника в междуречье. Ник хотел было бежать, но позже решил, что сама судьба готовит ему встречу. Ник снова оказался в столице.

Годы Каина можно описать только как путь из одного места в другое. В бродячей жизни Каин и провел свою сотню лет, прежде чем оказался в Ниппуре. Все это, впрочем, отражает лишь его физический путь, пространственно временной, если угодно, но не саму его жизнь, полную терзаний и страхов. Об этом все время думал Ник, он научился запоминать столетиями и даже по тысячу лет. Их жизни связанные воедино должны были пересечься, несмотря на их собственные желания, мир для них стал слишком мал. Ночь подбиралась к ним словно черная кошка, из-за угла выглядывая лишь наполовину, когда в томительном пути они встретились вновь. Два совершенно одиноких путника шли навстречу по безлюдной равнине. Один из них был на вьючном осле, опираясь на загривок и будто шепча что-то на ухо, верхом ехал Ник. Каин был пешим, оборванным до нитки, грязным заросшим волосами, и в нем едва можно было различить юношу, хотя им он и оставался теперь. Едва сравнившись Каин первым бросился к Нику, он схватил его за грудки и с одним единственным словом начал трясти его, все

говоря «ты! ты!». В этот момент Ник, прижав подбородок к груди, старался не смотреть в глаза. Затем юноша стал извиняться, ему было стыдно, он думал, что спутал этого на осле с другим человеком. Ник ненадолго поднял взгляд, всего на секунду, но этого было достаточно. Уже уходящему вдаль юноше, Ник прокричал:

– Каин. – Ник перевел дыхание, спрыгнул с осла и бросился бежать вслед.

– Это я Каин, ты не ошибся, ты не ошибся это же я. Я Ник помнишь, – догнав Каина, Ник долго всматривался в его лицо, затем сбросил капюшон, и Каин ответил.

– Наверно, я должен был захотеть убить тебя, но представь себе я рад. Впрочем, не делай далеких выводов, я расскажу тебе чему я так рад. Теперь я снова могу верить, что я сумасшедший.

– Но это не так, – сказал Ник.

– Не разубеждай меня, я боюсь тебе верить. Знаешь ли ты, как я злился на тебя, как проклинал? Те следующие десять лет, что прошли с последней нашей встречи я упивался своим горем настолько, что оно уже стало частью жизни. В какой-то момент все прошло, я больше не хотел оплакивать ту девушку. Я перестал думать о ней и лишь горестно рыдал, и вот когда я понял это, только тогда перестал. Я стал вспоминать от чего страдал, как все случилось, потому что до того мне этого вовсе не хотелось. В тот момент, когда я все же восстановил события, они вдруг показались мне невероятными, не настоящими. Я решил, что сошел с ума не теперь, когда вспомнил все это, а еще тогда, когда придумал тебя. Ты не реален Ник, я сам тебя выдумал и теперь, когда я усомнился в этом пришел ты.

– Прости Каин, но все что ты видишь – правда. Я есть, существую, понимаешь?

– Тогда ответь мне на один вопрос, куда я иду, по-твоему?

– Я знаю, что ты подумаешь, если я угадаю, ты скажешь что был прав. Подумай, ведь я могу догадаться.

– Куда я иду? – повысив голос, переспросил Каин.

– Ты идешь в Вавилон, за оставленной книгой, которая решит твой вопрос, – ответил Ник.

– И ты скажешь, что не знал этого?

– Я скажу лишь, чтобы ты продолжил свой путь и узнал это сам. Мне жаль Каин, но ты это узнаешь, – с этими словами закончилась еще одна их встреча, столь долгожданная для Ника, что он сам не знал, как он мог так легко отпустить своего единственного друга.

Проходит целая эра
Год, за годом неся
Рухнет всякая вера
Сваи грузом кося
Мчатся ободья
Колесницы небес
Чахнут уголья
Гибнет солнечный лес
Бурей укроет
Заманит на свет
Новый откроет
Священный завет
Новые боги
Олимпа и звезд
Стары отроги
Стенаний и слез
Пунктом тропою

Следом живым
Босой стопою
Идти по гнилым
Где-то упавшим
Путь не найдя
Гибель пропавшим
С собою неся
Столь же корыстным
Сколь же большим
С неведомым смыслом
Уходящие в дым

«Чему теперь верить?» – Это был главный вопрос Каина, сидевшего целыми днями за книгой из Вавилона. Он бросил свои скитания и поселился в одной пещере в предгорье Ара-рата. Это был самый надежный кров, в который никто не придет, ни один гость. Этот дом мог бы вобрать в себя всю тишину мира, если бы не талые воды, капавшие с его крыши. Эти капли должны были свести с ума Каина, он на них все надеялся, хотя прошли годы. Сойти с ума, стать дурачком, который не думает и ничего не хочет уже понимать, это было желание Каина. Настолько утратив веру в справедливость мира, он уже хотел только этого. Зачем было даровать вечность тому, кто в ней не нуждался? Кто пропал в волнах ее бесконечных вод. Каин не мог уже и сказать, а любил ли он сам Нинти, и если даже любил, то не себя ли он оплакивал долгие годы. Одно становилось яснее, Ник не мог быть повинен в смерти принцессы, ведь если я будучи таким как он, не могу ничего поделать с самим собой, не говоря о всем зримом мире, то и он не мог сделать ничего. Единственной же его ошибкой была мысль о том, что бессмер-тие дар. Если что-то дает нам возможность увидеть гибель любимого человека, то это нельзя назвать даром. Это какая-то кара, страшная плата, которую я не собирался платить.

Ник часто вспоминал о Каине, он думал, что однажды тот сам придет к нему, когда во всем разберется. А пока шла история, Ник старался следить за ней и везде поспевать. Он даже вошел в зиккурат при правления Вавилона, и пока был там, в государстве все шло хорошо. При смене правления он исчезал, и появлялся лишь тогда, когда новый царь становился у власти. Ник мог отлучаться по политическим делам на целые годы, и вернувшись поступить на службу к новому царю. Все его старания были направлены, вопреки мнению окружающих, вовсе не на благо Вавилонии или ее царя, для него все было гораздо шире. Ник старался уследить чтобы мир оказался таким каким был для него, в царстве того кто возможно был всемогущ. Тогда бы он не отверг чьей-то дружбы.

Горы запирают человека, они дают вечную клятву хранить то, что является их частью. Одна только вера в непреклонность гор и давала надежду Каину, что его наконец оставят и никогда не найдут. Так бы оно и было, если бы не вечность, в ней не только может произойти все что угодно, но и обязательно произойдет, ты увидишь весь мир, если вечен. Сидя в пещере долгие годы, Каин почти не чувствовал свое тело, казалось оно слилось воедино с пещерой. До одного дня, когда в сырой промозглый кров Каина вошел снежный барс. У барса было рас-порото брюхо с одного бока, и на его ярко белой шерсти темно-красным пятном выступала кровь. Это кровавое пятно было единственным цветом, режущим глаз человека, уже давно выдавшего лишь черное и белое. Зверь явно боялся человека, но страх того что было снаружи был большим. Каин уступил свое место, для него это был будто бы знак, и он ушел. Выходя из пещеры, солнце ударило Каина в глаза, его лицо было безжизненно бледным, но не как снег, снег искрился и играл с лучами света, лицо же Каина было скорее матовой бумагой. Волосы выцвели тоже, и лишь глаза по-прежнему оставались черными, будто им одним было все известно. Накинув лохмотья на голову, чтобы не сжечь глаза, Каин пошел в одном един-

ственном направлении, не глядя перед собой. Пройдя сквозь горные хребты, и увидев на горизонте равнину, Каин вспомнил это место, здесь была Ниневия, тот самый город, что он так ненавидел, исчез. Вдалеке он увидел новый город, тогда он подумал, что это и есть Ниневия, но уже на подходе к городу ему повстречался человек. У него он выяснил, что это действительно уже была не Ниневия. Обращаясь к встречному человеку, Каин испугался своего голоса, словно говорил другой человек. В эту минуту, словно проснувшись, ему вдруг страшно захотелось жить, перестать быть камнем в горе. Каин вспомнил о книге, он оставил ее в пещере, и оставил намеренно, ему было известно каждое слово написанное там. В книге же помимо всего прочего, было написано и главное событие всего человечества, которое вот-вот случится. Об этом знают всего два человека и поскольку Каин один из них, его путь уже лежал туда. Каин боялся опоздать, как бы не случилось все без него, он бежал пустынной дорогой, почти не давая себе отдохнуть. Каждый приступ усталости напоминал ему путь в Ниневию вместе с Ником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.